

А.В. Гуцин Большое спасибо за приглашение и за возможность выступить. Уважаемые коллеги! Конечно, я бы даже не назвал свое выступление докладом. Это, скорее, может быть, постановка проблем и своеобразным введением в дискуссию, которая последует. Прежде всего, хотелось бы отметить, что все три сюжета, которым будет посвящена наша дискуссия трудно разделить между собой, они очень тесно между собой связаны.

Сегодня, в эти дни исполняется 25 лет с окончательного распада Советского Союза, создания СНГ, и мы задаемся, конечно, все больше и больше вопросами о том, что же произошло 25 лет на постсоветском пространстве, что это за регион и как он будет развиваться дальше. И, конечно, прежде всего, обращая внимание на сочетание интеграции и национального и государственного строительства в этом регионе и в целом, можно ли считать этот регион единым регионом, или различия между странами слишком велики, чтобы определять его как единый регион.

Довольно популярна точка зрения о том, что распад СССР продолжается сейчас. Действительно имея в виду те национально-территориальные конфликты, этнополитические конфликты и территориальные проблемы между государствами, которые остались в наследство еще с советской системы, а многие еще и со времен империи, можно говорить о незаконченном распаде. Они, эти проблемы, конечно, до сих пор влияют и на современную ситуацию.

Но мне кажется, что все-таки есть ряд новых черт и с точки зрения идеологии, и с точки зрения того, что появилось поколение уже взрослых 25-летних людей, которые не знали Советский Союз и они уже вступили во взрослую жизнь сейчас во всех этих странах. И с точки зрения политических процессов, которые происходят сегодня, особенно в западной части постсоветского региона. На мой взгляд, помимо того, что в каких-то аспектах можно говорить, что распад СССР действительно продолжается, но все же мы имеем ряд новых черт.

Сегодня можно говорить об очень серьезной парцелляции, разделении между разными республиками постсоветского пространства, которые демонстрируют совершенно разные и внутривнутриполитические тренды, и, собственно, разную степень успеха. Если мы посмотрим на Украину и Молдову, на итоги 25-летнего постсоветского того же экономического или политического развития, это будет один результат. Если мы посмотрим на итоги развития при всех минусах той же Белоруссии или ряда стран Центральной Азии, будет совершенно другой, тем более, если учесть стартовые возможности.

Второй пункт, о котором бы хотелось сказать - это что такое постсоветское пространство сегодня? Это единый регион, или это все-таки разные регионы? Мне представляется, что сегодня все же говорить о едином постсоветском пространстве по большей части по основным показателям вряд ли приходится. Скорее, если говорить в геополитическом и геоэкономическом измерении, это все-таки три разных региона. Это Запад, это Кавказ и Центральная Азия. Те интеграционные векторы, которые есть сегодня в виде ЕАЭС или ОДКБ, все-таки недостаточны пока по своей импульсности, по своему формату, по своему содержанию, чтобы стать объединяющими для всего нашего региона.

Возникает и вопрос: что такое СНГ? Это дезинтеграционный проект по сути? Это проект для развода, как об этом принято часто говорить? Или это все-таки структура интеграционная? Следует признать, что СНГ все же определенную позитивную роль сыграло в 90-е годы с точки зрения определенного каркаса для построения, дальнейших интеграционных структур, интеграционного измерения уже 2000-х годов.

Но, тем не менее, факт состоит, в том, что СНГ, смягчив различные кризисные вопросы, в том числе на отраслевом уровне, не смогло помочь решить, по сути дела, ни один крупный не то что национально-территориальный конфликт, но не смогло решить и ряд политических вопросов, юридических, на постсоветском пространстве.

Это еще раз говорит о том, что в принципе кроме как диалоговая площадка и возможность встреч в более широком формате пока ожидать что-то большего от масштабной интеграции и в целом от постсоветского пространства вряд ли приходится.

Кстати говоря, это проблема не только СНГ, но и целого ряда других объединений, которые даже можно условно считать антироссийскими. Тот же ГУАМ «Содружество демократического выбора» тоже остались довольно аморфными структурами с экономической точки зрения, а сама экономика зачастую подменялась политикой. В тот же ГУАМ, например, после выхода Узбекистана входят страны, объединенные национально-территориальными конфликтами и проблемой де-факто государств. Сегодня ключевой вектор – это разноскоростная интеграция, с одной стороны. И с другой стороны – дальнейшая фрагментация постсоветского пространства. Вопрос в том, как эти две тенденции будут сочетаться.

Мне представляется, что сегодня, конечно, при всем том, что мы говорим о евразийской интеграции зачастую как об альтернативе и для России, и для этих стран,

существующие тренды в рамках Евразийского Экономического Союза и общая роль России в мировой экономике, да и в региональной на постсоветском пространстве пока не позволяют говорить о том, что Евразийский Экономический Союз и те структуры, которые связаны с евразийской интеграцией, в обозримом будущем станут самостоятельным центром силы или тем более станут залогом или основой для создания таких глобальных проектов, как проект Большой Евразии, о котором сейчас тоже можно часто слышать.

То есть, скорее, здесь можно говорить о достаточно долгом процессе сопряжения. Поэтому в этом плане можно говорить о довольно ограниченных экономических возможностях России в интеграционном смысле, особенно если интеграция будет проходить без соучастия крупных региональных держав или таких глобальных, как, например, Китай. Тем более что Россия в экономическом плане все больше и больше уступает Китаю Центральную Азию и в целом, и по отдельным странам. Наконец, еще один вопрос, который не решен на постсоветском пространстве, - это проблема де-факто государств. Я имею в целом де-факто государств, и частично признанных, и непризнанных. И здесь, конечно, надо сказать, что у России позиция различная. Если по отношению к Карабаху она всем известна и она не проявляется так непосредственно к независимости Карабаха, то по отношению к Приднестровью выбран в целом, на мой взгляд, реинтеграционный вектор. Но так или иначе пока ни один этот вопрос не решен. И многие конфликты, которые мы называем замороженными, строго считать замороженными нельзя, и вероятность эскалации этих конфликтов достаточно велика. Очень сильно проявляется разница в позициях стран, участвующих в урегулировании. В целом проблема де-факто государств тоже явно работает на фрагментацию этого региона.

Поэтому сегодня, подводя итог этому 25-летнему развитию, что можно сказать? Конечно, значительная часть стран на постсоветском пространстве так или иначе достигла довольно серьезных успехов в национальном и государственном строительстве. Пример Узбекистана наиболее показателен. Все-таки это страна, которая проводила достаточно изоляционистскую политику, выходя или входя в те или иные интеграционные объединения, оставляя всегда свободу рук и не участвуя в каких-то строгих форматах, которые бы связывали Ташкент. В общем, пока политический транзит там на данном этапе проходит довольно успешно. Определенная преемственность есть. Как это будет дальше происходить – конечно, достаточно сложно сказать. Потому что есть очень серьезные проблемы. Но видно, что те риски, о

которых говорили, по крайней мере, в контексте августа-сентября-октября в контексте передачи власти, минимизированы.

Другое дело, неизвестно, насколько это можно будет экстраполировать на тот же Казахстан. Потому что там ситуация, наверное, даже более сложная в чем-то, чем в Узбекистане.. Но, тем не менее, вполне вероятно, что и там элите хватит запаса прочности.

Другое дело, что, конечно, ряд государств, как, например, Украина, Молдова, которые демонстрируют несколько иной путь, несколько иной вектор. И здесь мы возвращаемся к политике влияния внешних сил на постсоветское пространство. Надо сказать, что сами страны региона во многом используют этих внешних игроков и пытались использовать их для поддержания элиты строительства, нации строительства и государственного строительства. Поэтому это не односторонний вектор внешнего влияния. Но есть обратный вектор со стороны этих стран в сторону поиска поддержки со стороны внешних игроков. Я имею в виду не Россию, а именно другие страны – Европу, прежде всего, ту же Турцию, Китайскую Народную Республику и Соединенные Штаты.

Это тоже, конечно, работает в определенной степени на дезинтеграцию.

Мне представляется, что, несмотря на те процессы, которые мы сегодня наблюдаем в Молдове, Литве, в целом в Центральной Европе, все-таки даже притом, что есть шанс перехода этих государств, той же Молдовы, на определенные нейтральные позиции с точки зрения баланса между Западом и Востоком, говорить о едином пространстве уже не приходится. И тенденции к его дальнейшему распаду в ближайшие годы, несмотря на те интеграционные посылы, которые есть, будут продолжаться.

Спасибо.

А.В. Рябов. Коллеги, теперь, как договорились, вопросы на уточнение.

В.И. Мироненко. Хотел бы все-таки уточнить позицию. Говоря о внешних влияниях, внешних полях притяжения в процессе дезинтеграции и пространства, Вы упомянули две страны – Украину и Молдову. Это означает, что на других субъектах этого процесса не оказывается такое же влияние?

А.В. Гуцин. Нет, конечно, оказывается. Только оно оказывается по-разному. Китай оказывает по-своему влияние на тот же Таджикистан, на тот же Узбекистан - через экономическое проникновение, через инфраструктурные проекты, через трубопроводы из Туркменистана и т.д., инфраструктурные проекты в Казахстане. Но,

кстати говоря, я думаю, что можно спрогнозировать и определенное внешнеполитическое и военно-политическое усиление Китая.

Например, с Таджикистаном уже в последнее время стали проявляться такие попытки. А просто в западной части несколько иной инструментарий, несколько иные механизмы влияния и несколько иная ситуация внутри этих стран. То есть совершенно разные политические системы и разный обратный вектор, о чем я говорил, со стороны этих стран в сторону внешних игроков.

Но, конечно, влияние оказывается не только на западную часть, но и на южное, как говорят, «подбрюшье» России. На Российскую Федерацию и на страны Кавказа тоже, конечно.

А.В. Малашенко. Вы настаиваете на слове «регион», или просто для того, чтобы не повторяться?

А.В. Гуцин. Нет, не настаиваю. Это, скорее, фигура речи для удобства. Можно сказать – макрорегионы или как-то нивелировать это. Естественно, это разное, конечно.

А.А. Улунян. Вы здесь упомянули о дезинтеграционной роли Турции, КНР и США. Что подразумевать под словами - дезинтеграционная роль? И о какой интеграции в таком случае или дезинтеграции идет речь?

А.В. Гуцин. Я согласен с этим вопросом. Но, если с позиции России смотреть – это одно, с позиции самих государств – это несколько иное. Я говорю не о дезинтеграции как таковой, а о разных интеграционных проектах, о влиянии разных внешних сил и о проектах этих внешних сил, с которыми России приходится и придется конкурировать. Та же евразийская интеграция, та же ОДКБ, например, которая сейчас, несмотря на все попытки, пока остается достаточно аморфной структурой, это все равно наши проекты, которые мы должны развивать и которые, в случае усиления позиций других региональных держав и глобальных держав либо ослабнут либо видоизменятся, как и роль России в них.

Однако, с другой стороны нужны и формы экономической кооперации с тем же Китаем, а главное, очень важны и более активное институциональное развитие ЕАЭС, и более активное расширение полномочий наднациональных структур, регулирующих экономическую политику в рамках союза, а также развитие отношений ЕАЭС на внешнем его контуре (к примеру, в виде зоны свободной торговли). Если все это будет сопутствовать нормализации международной обстановки в Евразии, прежде всего в контексте отношений России и ЕС (институциональная прочность которого порой

недооценивается сегодня), то вполне может стать катализатором развития интеграции. Тогда парадигма сохранения, элементы которой сегодня присутствуют в политике России на постсоветском пространстве, сменится в полном смысле слова парадигмой развития, импульсы которого будут привлекательны для всей Евразии и создадут условия для реализации инфраструктурно-логистических, промышленных и гуманитарных проектов континентального масштаба. Пока же объективные обстоятельства складываются таким образом, что сама по себе интеграция на евразийском пространстве встречает целый ряд серьезных проблем.